

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖАНРОВОГО КАНОНА ПОСЛАНИЯ Д. САМОЙЛОВЫМ И Ю. ЛЕВИТАНСКИМ

В данной статье предпринимается попытка сопоставительного анализа двух стихотворений: «Другу-стихотворцу» Д. Самойлова и «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...» Ю. Левитанского.

В 1978 г. Д. Самойлов пишет стихотворение «Другу-стихотворцу», тексту предпослано посвящение «Ю.Л.» (стоит отметить, что поэт достаточно часто использовал инициалы в качестве номинации «адресата» того или иного стихотворения). Само название текста, «Другу стихотворцу» (ср. одно из известнейших стихотворений Пушкина-лицеиста «К другу стихотворцу», 1814 г.), выбор стихотворного размера (6-стопный ямб), обилие обращений, выдержанных в иронически-дружеском тоне («братец», «мой милый стихотворец»), свидетельствуют о том, что это стихотворение тяготеет к жанру дружеских посланий¹.

Уже с первых строк Д. Самойлов акцентирует комплекс тем и мотивов, традиционно связанный с жанром послания: быстротечность жизни, житейская суета, перемены, вызванные ходом времени, проблематика творчества и т.п.: «Всё, братец, мельтешим, всё ищем в «Литгазете» – / Не то чтоб похвалы, а всё ж и похвалы! / Но исподволь уже отцами стали дети / И юный внук стихи строчит из под полы» (С. 197)². Далее Самойлов разрабатывает оппозицию «мы» (поэты, умудренные жизненным опытом, лирический герой и адресат поэтического послания) и «они» (молодые поэты).

Осмысляя подобное противопоставление, Д. Самойлов активно использует прием, свойственный именно жанру послания: лирический герой обращается к воображаемому собеседнику с просьбой (пожеланием, при-

зывом). Лирический герой стихотворения Д. Самойлова призывает друга-стихотворца уступить свое место в литературной среде новым, молодым поэтам³: «Их надо бы признать. И надо потесниться. / Пора умерить пыл и прикусить язык...». По мнению героя, их с другом сейчас должны занимать совершенно иные проблемы, они должны познать окружающий мир и самих себя: «Теперь пора узнать о тучах и озерах, /...А также о душе, что чует вещей шорох...» (С. 197).

В финале стихотворения рассказывается о той награде, которую герои получают, отказавшись от повседневной суеты: «...В тумане различим волнение жизни новой, / Движение кораблей, перемещение хмар», – т.е. герои смогут постичь мир во всем его разнообразии и предвидеть будущее. Проникнув в тайны мироздания, герои-поэты избавляются от чувства страха перед вечностью: «И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной, / Без страха пустоту увидим над собой...» (С. 198).

Показательно, что семантически и стилистически эти строки восходят к пушкинскому «Пророку» (ср.: «Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»)⁴. Обращение к творчеству Пушкина, использование пушкинских тем, образов и мотивов является характерной чертой поэтики Д. Самойлова⁵.

Таким образом, в стихотворении Д. Самойлова «Другу-стихотворцу» имплицитно присутствует мотив обретения пророческого дара, мотив «превращения» поэта в пророка. Подобное преображение становится возможным лишь после того, как герои (уже состоявшиеся поэты) сумеют отказаться от суеты повседневного литературного быта. Неслучайно в финальных строфах стихотворения Д. Самойлова используются глаголы будущего времени: герои-поэты только стремятся к подобному гармоническому состоянию.

Ю. Левитанский, которому посвящено (и адресовано) стихотворение «Другу-стихотворцу», предложил свою версию осмысления вопроса о том, как с возрастом меняется отношение поэта к миру и к собственному творчеству. В книгу Ю. Левитанского «Письма Катерине, или прогулка с Фаустом» (1981 г.), вошло посвященное Д. Самойлову стихотворение «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...». Оно не имеет названия, однако наличие посвящения и все тот же 6-стопный ямб позволяет соотнести и этот текст с жанром стихотворных посланий, тем более что эпистолярный жанр задан в самом названии поэтической книги Ю. Левитанского.

В самом начале интересующего нас стихотворения появляются все те образы, мотивы и темы, которые обыгрывал Д. Самойлов в адресованном Ю. Левитанскому тексте: мотив быстротечности жизни, образ поэта, тема пророка: «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты. / А век так короток – Господь не приведи. / Мальчишки, умницы, российские поэты, / провидцы в двадцать и пророки к тридцати»⁶. Используя те же мотивы, что и Д. Самойлов, Ю. Левитанский смещает смысловые акценты, изменяет предложенную Самойловым трактовку: обретение поэтом пророческого дара не связано с появившимся к зрелому возрасту умением правильно взаимодействовать с миром, настоящим поэтам эта способность дается уже в юности.

Далее Ю. Левитанский, как и Д. Самойлов, обыгрывает семантическую оппозицию «мы» и «они» («мы» – лирический герой и его воображаемый собеседник, тот, кому адресовано стихотворение, «они» – молодые поэты). Ю. Левитанский также использует в этом контексте антитезу «отцы» – «сыновья», причем вполне традиционное противопоставление здесь обретает новый смысл: давно умершие поэты уподобляются сыновьям ныне живущих и пишущих («...нам те гении российского Парнаса / уже по возрасту годятся в сыновья»).

И, наконец, лирический герой Ю. Левитанского пытается объяснить, о каких же мальчишках-поэтах идет речь. Введенные в самом начале эле-

менты воинского антуража («Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...»), мотивы юности, короткой жизни и поэтической гениальности ассоциируются с образом Лермонтова. Правомерность подобной ассоциации подтверждается перечислением других характеристик, четко указывающих на эту фигуру: «поручик», «дерзкий юноша», соперничавший с демоном (мотивы, традиционно сопутствующие трактовке образа Лермонтова). Но примечательно, что из всех этих характеристик лирический герой стихотворения акцентирует именно те, что свидетельствуют о молодости поэта (см. хотя бы «посмертной маски полудетские черты»). Описывая уникальность лермонтовского дара, герой стихотворения также подчеркивает несоответствие минимального жизненного опыта поэта и глубины его творческих откровений: «...Какое пламя видел он, какую тьму, / Чтоб, будто жизнь безмерно долгую итожа, / В конце сказать – / “и зло наскучило ему”!». Ю. Левитанский приводит цитату из 1-й части «Демона» (как известно, поэму «Демон» Лермонтов начал писать в 14 лет)⁷.

Последняя строфа стихотворения Ю. Левитанского почти повторяет 1-ю строфу, в ней вновь констатируется идея о том, что гениальные поэты изначально наделены пророческим даром («Не долгожители, не баловни фортуны – / Провидцы смолоду, пророки искони...»). Эти «юные» поэты по степени одаренности превосходят лирического героя и его друга-слушателя, а потому являются их судьями. Как мы помним, в стихотворении Д. Самойлова ситуация разрешалась иначе: «поэты-долгожители» «судили» своих юных учеников («пусть хватит нам досуга, / Чтоб сильных пожалеть и слабых уберечь») (С. 197).

Итак, стихотворение Д. Самойлова «Другу-стихотворцу» и стихотворение Ю. Левитанского «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...» являются примером поэтического диалога, участники которого предлагают два различных решения вопроса о соотношении возраста поэта и уровня

его поэтического мастерства, особенностей отношения к миру и к собственному творчеству.

По мнению Д. Самойлова, лишь с течением времени поэт учится понимать внешний мир и себя самого, благодаря чему он получает возможность предвидеть будущее. Ю. Левитанский принципиально иначе решает ту же проблему, говоря о поэтах, проживших короткую жизнь, но сумевших постичь первоосновы бытия, а потому ставших судьями для всех последующих поколений.

Актуализация мотива молодости в стихотворении Ю. Левитанского («Мальчишки, умницы... / провидцы в двадцать и пророки к тридцати», «почти мальчишеские эти голоса», и, конечно, финальное «мы всё их старше, а они всё так же юны») обретает дополнительную семантическую нагрузку в соотнесении с названием поэтической книги, в которую входит это стихотворение⁸: «Письма Катерине, или прогулка с Фаустом». Образ доктора Фауста, фрагменты сюжета, связанного с этим героем, так или иначе, прямо или косвенно, присутствуют во всех текстах книги. Образ вечно юного поэта, созданный в стихотворении «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...», является своеобразной вариацией на тему «остановленного» мгновения (важнейший мотив сюжета о докторе Фаусте)⁹.

Тот же образ вечно юного поэта в стихотворении Ю. Левитанского обретает дополнительные смысловые оттенки в сочетании с посвящением Д. Самойлову. Такое посвящение превращает текст Ю. Левитанского в ответную реплику (ответ на послание «Другу-стихотворцу»)¹⁰ и заставляет учитывать контекст стихотворения Д. Самойлова, оно же отчасти объясняет выбор формы множественного числа при разговоре о рано ушедших поэтах («Мальчишки, умницы, российские поэты...»). Очевидно, что наиболее репрезентативной фигурой в таком контексте является Лермонтов, судьба Лермонтова и описывается в стихотворении Ю. Левитанского. Однако использование формы множественного числа предполагает потенци-

альное расширение темы, а возникновение имени Д. Самойлова актуализирует еще одну семантическую парадигму: судьбы сокурсников Ю. Левитанского и Д. Самойлова, судьбы поэтов-ифлийцев, погибших на войне¹¹.

В художественном универсуме Д. Самойлова тема поэтического поколения, не состоявшегося из-за войны, занимает центральное место¹², ср. стихотворение «Старик Державин» (Державин стремится передать свою лиру солдатам, оборонявшим деревню Лодву) или не менее знаменитое стихотворение «Перебирая наши даты»: «Я вспоминаю Павла, Мишу, / Илью, Бориса, Николая. / Я сам теперь от них завишу, / Того порою не желая» (С. 45).

Посвящение Д. Самойлову, имплицитно присутствующие мотивы военной юности обоих поэтов, привносят дополнительные смысловые оттенки и в интерпретацию образа Лермонтова. По свидетельству самого Ю. Левитанского, друзья отмечали его внешнее сходство с М.Ю. Лермонтовым, неслучайно в ИФЛИ, а потом и во время армейской службы, за Ю. Левитанским закрепилось прозвище «Лермонтов» (этот биографический факт поэт неоднократно «обыгрывал» в собственных стихотворных текстах)¹³.

Так в стихотворении Ю. Левитанского «Мундиры, ментики, нашивки, эполеты...» объединяются два семантических плана: общепризнанная трактовка образа М.Ю. Лермонтова как юного гения и «личный» контекст (отождествления себя с фигурой Лермонтова и воспоминания о трагической судьбе большей части студентов ИФЛИ). Подобное объединение общеизвестного и личного свойственно именно жанру дружеского стихотворного послания, которое традиционно помимо информации, доступной всей читательской аудитории, содержит некий код, известный лишь автору и адресату¹⁴.

Итак, Д. Самойлов и Ю. Левитанский предлагают два разных решения вопроса о соотношенности таких категорий, как возраст поэта и глуби-

на художественных и философских откровений, доступных поэту. Для подтверждения правоты собственной версии оба автора пользуются более или менее очевидными отсылками к архетипическим сюжетам и мотивам (текст пушкинского «Пророка» и пушкинская традиция в целом у Д. Самойлова, сюжет о докторе Фаусте и трактовка образа М.Ю. Лермонтова у Ю. Левитанского¹⁵). Кроме того, в анализируемых стихотворениях Самойлова и Левитанского воспроизводятся отдельные элементы жанрового канона поэтического послания, чем еще раз подчеркивается столь значимая для авторов связь данных текстов с русской поэтической (и шире, культурной) традицией.

¹ О специфике жанра послания см. подробнее: *Гинзбург Л.Я.* Пушкин и реалистический метод в лирике // *Русская литература.* 1962. № 1. С. 27–37; *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 219–220; *Степанов Н.Л.* Дружеское письмо начала XIX века // *Степанов Н.Л.* Поэты и прозаики. М., 1966. С. 66–90; *Гаспаров М.Л.* Послание // *Краткая литературная энциклопедия.* М., 1962–1978. Т. 5. Стлб. 905–906; *Грехнев В.А.* Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985.

² Все тексты Д. Самойлова цитируются по изданию: *Самойлов Д.* Стихотворения. М., 1985.

³ Можно предположить, что поэт учитывал социально-политический контекст – существование Союза писателей; кроме того, изложенная в данном тексте концепция соотносится с «новой» жизненной философией Д. Самойлова, стихотворение написано после отъезда в Пярну, о чем см. подробнее в дневниках Д. Самойлова: *Самойлов Д.* Подённые записи: В 2 т. Т. 2. М., 2002.

⁴ Стихотворение цитируется по изданию: *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1981. С. 87.

⁵ См., например: *Баевский В.С.* Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986. С. 150–158; *Красухин Г.Г.* В присутствии Пушкина: Современная поэзия в классической традиции. М., 1985. С. 60–75; *Кузьмина Н.А.* Пушкинский текст современной поэзии // *Вестник Омского университета.* 1999. Вып. 2. С. 108–117.

⁶ Стихотворение Ю. Левитанского цитируется по изданию: *Левитанский Ю.Д.* Меж двух небес. М., 1996. С. 264.

⁷ См., например, примечания Андроникова И.Л. // *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М., 1976. С. 534.

⁸ О значимости жанра стихотворной книги в творчестве Ю. Левитанского см. подробнее: *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991. С. 115–118.

⁹ Анализ сюжета о докторе Фаусте см., например, в: *Жирмунский В.М.* История легенды о Фаусте: Комментарий // *Легенда о докторе Фаусте.* Л., 1958. С. 257–362.

¹⁰ Напомним, что традиция «обмена» стихотворными посланиями существовала в русской поэзии и в пушкинскую эпоху, и в «серебряном веке».

¹¹ О судьбах студентов ИФЛИ см. подробнее: В том далеком ИФЛИ: Воспоминания, документы, письма, стихи, фотографии. М., 1999.

¹² Подробнее об интерпретации этой темы Д. Самойловым см.: Баевский В.С. Указ. соч. С. 182, *Красухин Г.Г.* Указ. соч. С. 68–70; 165; *Лазарев Л.* Это наша судьба. М., 1978. С. 75; *Петросов К.* «Из пламя и света рождённое слово»: Этюды о русской поэзии XIX–XX вв. М., 1992. С. 138–145; *Рассадин С.* О стихах последних лет. М., 1961. С. 23, 24–25; см. также воспоминания самого Д. Самойлова: *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 111–177.

¹³ См.: *Левитанский Ю.Д.* Зеленые звуки дождя: Стихи, письма, дневники, М. 2000. С. 328–331.

¹⁴ Об этом подробнее см., например: *Артемова С.Ю.* О жанровой модели послания в лирике XX века // В свете исторической поэтики...: Книга памяти Самсона Наумовича Бройтмана: Статьи и воспоминания. М., 2008. С. 205.

¹⁵ Само угадываемое противопоставление двух фигур (Пушкин и Лермонтов) также имеет в русской культурной парадигме богатую исследовательскую традицию, см. хотя бы работы русских поэтов-символистов.